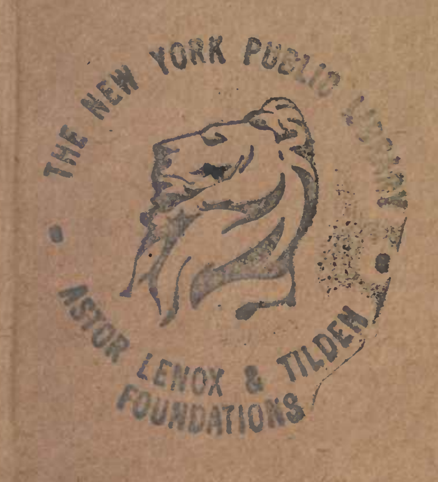
First to be sent
to the Main Reading
Room

May 24, 1911

by V.D.

НРАВСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ

НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой.

Гротъ

Проф. **Н. Я. Грота**

Изъ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

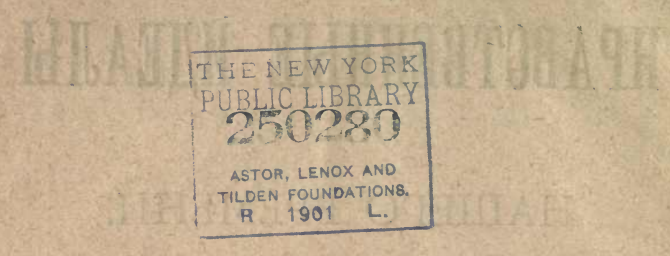
МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰,

Пименовская ул., соб. домъ

1894.

Дозволено цензурою. Москва, 25 іюня 1894 г.

Нравственные идеалы нашего времени.

(Фридрихъ Ницше и Левъ Толстой.)

Для наблюдателя жизни наше время имѣетъ особенное значеніе. Мы присутствуемъ при великой душевной драмѣ, переживаемой не отдѣльными личностями или даже народами, а всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ. Дѣло идетъ, повидимому, о коренномъ измѣненіи міросозерцанія, о полной переработкѣ идеаловъ.

Бывали такія событія и прежде, напримѣръ, въ ту эпоху, когда на развалинахъ древняго міра воздвигался новый — христіанскій, или, напримѣръ, три столѣтія тому назадъ, когда совершалось окончательное распаденіе средневѣковой культуры и созидался тотъ компромиссъ между идеалами христіанскаго и языческаго міросозерцанія, который продолжается и понынѣ.

Но все-таки существуетъ и громадная разница между тѣмъ, что происходило въ тѣ великія эпохи и въ нашу. Прежде не было въ распоряженіи человѣчества тѣхъ средствъ взаимнаго общенія, какія существуютъ теперь, и потому перевороты совершались медленно; паденіе стараго и водвореніе и утвержденіе новаго міросозерцанія и порядка жизни требовало нѣсколькихъ столѣтій. Такъ, около пяти столѣтій понадобилось для окончательнаго торжества христіанства и полной побѣды его надъ языческою философіей. Болѣе двухъ столѣтій продолжалась такъ называемая эпоха возрожденія искусствъ и наукъ, приведшая къ паденію средневѣковаго строя жизни. Конечно, изобрѣтеніе

книгопечатанія было въ то время главнымъ и существеннымъ условіемъ распространенія новыхъ ученій, понятій и идеаловъ. Но какимъ блѣднымъ кажется въ нашъ вѣкъ это изобрѣтеніе, въ особенности въ его первоначальной формѣ, сравнительно съ поразительными открытіями и пріобрѣтеніями техники въ XIX ст. Благодаря желѣзнымъ дорогамъ, пароходамъ, телеграфамъ и телефонамъ, а также журналамъ и газетамъ, возникла, почти на нашихъ глазахъ, новая сложная нервная система въ организмѣ человѣчества. Человѣчество становится, именно благодаря ей, единымъ, цѣльнымъ организмомъ, всѣ части котораго поневолѣ принуждены функціонировать согласно. И это согласіе неизбѣжно будетъ возрастать съ дальнѣйшимъ развитіемъ общей нервной системы.

Первое послѣдствіе ея образованія заключается въ страшномъ ускореніи пульса жизни человѣчества, въ совершенномъ измѣненіи условій времени и пространства. Теперь на разстояніи двадцати лѣтъ совершается столько событій, сколько могло прежде совершиться во сто лѣтъ, и еще раньше—въ двѣсти или триста. Смѣна явленій и впечатлѣній происходитъ такъ быстро, что въ какія-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ нынѣшній гражданинъ міра переживаетъ цѣлую историческую эпоху, какъ напримѣръ, господство Германіи въ Европѣ со времени окончанія франко-прусской войны и до отставки Бисмарка. И нельзя не видѣть одного изъ проявленій міровой цѣлесообразности въ томъ фактѣ, что именно въ послѣднее столѣтіе окончательно сложилась и окрѣпла *историческая* наука. Безъ нея теперь было бы трудно жить. Новая нервная система организма человѣчества требовала непремѣнно и новаго рода *памяти* — «организованной памяти человѣчества».

И вотъ въ такое-то время, когда создались всѣ элементы для новой жизни человѣчества, какъ единаго цѣлаго, мы присутствуемъ при новомъ, третьемъ въ жизни Европы, крупномъ нравственномъ кризисѣ. На Западѣ наступленіе этого кризиса началось раньше и было отмѣчено еще Ог.

Контомъ въ его «Курсѣ положительной философіи». У насъ то же явленіе обнаружилось ярко только въ послѣднія тридцать лѣтъ, послѣ паденія крѣпостного права.

Если я осмѣлился взять на себя трудную, можетъ-быть, непосильную и во всякомъ случаѣ неблагодарную задачу оцѣнки нѣкоторыхъ современныхъ нравственныхъ идеаловъ, то только потому, что этотъ вопросъ у всѣхъ насъ на очереди. Мы всѣ ищемъ, всѣ жаждемъ новыхъ идеаловъ, мы всѣ — болѣе или менѣе — больны скептицизмомъ, всѣ полны отвращенія къ существующему нравственному порядку, всѣ чувствуемъ, что на свѣтѣ совершается что-то неладное, странное, болѣзненное, не могущее быть долго терпимымъ. Каждый изъ насъ такъ или иначе пытается выйти изъ круга сомнѣній, побѣдить болѣзнь духа времени, преодолѣть свое недовѣріе къ жизни, свой пессимизмъ, и отыскать или создать себѣ новый, добрый и прочный идеалъ существованія. Отсюда такой огромный и быстрый успѣхъ, въ наше время, всѣхъ новыхъ ученій о жизни. Но настоящаго выхода еще не видно, и самые сильные умы въ такія эпохи, какъ наша, теряются и запутываются въ противорѣчіяхъ. И тогда поднимаются голоса, зовущіе назадъ, къ тому, чѣмъ жили прежде, злобно отвергающіе право личности на «самочинное умствованіе», т.-е., въ сущности, отрицающіе свободу духа, мышленія и воли человѣческой личности и мечтающіе о военной дисциплинѣ въ области самаго дорогого и лучшаго, что отличаетъ человѣка отъ животнаго, — въ области жизни разума.

Къ счастію, эти голоса вопіютъ въ пустынѣ, такъ какъ упомянутыя новыя условія общенія людей создали и совершенно новую и неустранимую, по личному произволу, почву для нравственной жизни человѣчества.

То, что было прежде сокрыто отъ глазъ толпы, становится, благодаря телеграфу и печати, открытымъ и явнымъ. Малѣйшее, совсѣмъ не крупное событіе, совершающееся сегодня не только съ какою-нибудь замѣтною, но иногда и вовсе незамѣтною личностью, становится завтра

извѣстнымъ всему міру. Вещи, дѣла, намѣренія, замыслы, о которыхъ прежде узнавали неопредѣленно, по слухамъ и сплетнямъ, черезъ три, четыре недѣли, черезъ мѣсяцы или даже годы, становятся теперь доподлинно извѣстными черезъ нѣсколько часовъ или сутокъ. Грѣхъ, вина, преступленіе и даже проступокъ личности дѣлаются рано или поздно общимъ достояніемъ. Жизнь личности становится все болѣе и болѣе насквозь прозрачной, особенно — когда эта личность представляетъ какой-нибудь интересъ. Правда, съ тѣмъ вмѣстѣ растутъ и множатся клевета, сенсаціонная ложь и мошенническая инсинуація. Но это только лишнее доказательство въ пользу того положенія, что для нравственной жизни человѣчества возникла новая почва.

Нравственная отвѣтственность личности замѣтно возрастаетъ, а съ возрастаніемъ нравственной отвѣтственности все настоятельнѣе и настоятельнѣе становится реформа нравственныхъ понятій и идеаловъ. Прежняя ложь жизни и лицемѣрная поддѣлка нравственности становятся все труднѣе. Тайное такъ легко становится явнымъ, обманъ такъ трудно становится скрыть, что каждая личность, совершая проступокъ, должна быть заранѣе готова во всякое время отдать въ немъ отчетъ всему человѣчеству.

Мы ужасаемся предъ громаднымъ разбоемъ, который совершался въ послѣдніе годы во Франціи. Но не должны ли мы, напротивъ, восторгаться передъ тѣмъ, что столь ловко подстроенный грабежъ такъ удачно раскрылся, и что милліонеры, герои его, попали на скамью подсудимыхъ? А современемъ такія дѣла будутъ разоблачаться еще быстрѣе и полнѣе.

Такимъ образомъ, едва ли можно сомнѣваться, что открытія и изобрѣтенія XIX вѣка, въ области точнаго знанія и техники, сильно измѣнили почву, на которой складываются нравственныя понятія и идеалы общества. И самый важный результатъ, нынѣ достигнутый, заключается въ томъ, что они показали совершенную нелѣпость и несообразность того легкомысленнаго компромисса между языческими и

христіанскими идеалами, который господствовалъ въ послѣднія три столѣтія, со времени эпохи возрожденія классической культуры.

Все болѣе и болѣе въ сознаніе выдающихся личностей, и даже самыхъ массъ, проникаетъ убѣжденіе, что такъ разрываться между двумя противоположными и несовмѣстимыми началами жизни долѣе невозможно, что, по крайней мѣрѣ, въ нравственной области нужно быть или всецѣло язычникомъ, или всецѣло христіаниномъ. Но вопросъ, что избрать окончательно, нельзя рѣшить такъ просто,—сообразно личнымъ симпатіямъ и влеченіямъ каждаго. Чѣмъ болѣе возрастаетъ связь и взаимная зависимость людей, тѣмъ необходимѣе становится для нихъ единство міросозерцанія. А для человѣчества, какъ цѣлаго, выборъ между христіанскимъ и языческимъ міросозерцаніемъ очень трудная задача. Вѣдь пріобрѣтенія науки,—той самой науки, которая имѣла источникомъ древнюю образованность и возникла въ главныхъ своихъ основаніяхъ на почвѣ *язычества*, — такъ велики, наглядны, такъ очевидно идеальны, истинны и важны для самого нравственнаго прогресса человѣчества, что отбросить этотъ фундаментъ современной культуры мы не въ правѣ и не въ состояніи. Жертва была бы слишкомъ громадна, и ради удержанія силы и значенія этого, все шире и шире развивающагося, двигателя самосознанія, быть можетъ, стоитъ пожертвовать даже традиціонною моралью? Съ другой стороны, однако, нравственное міросозерцаніе христіанства такъ очевидно превосходитъ древнее языческое, такъ глубоко проникло нѣкоторыя стороны жизни современнаго человѣчества и принесло такіе существенные плоды въ реформѣ общихъ началъ человѣческихъ отношеній, что отказаться отъ него было бы тоже самоубійствомъ, и можетъ быть лучше, наоборотъ, ради его полнаго и послѣдовательнаго проведенія отречься даже отъ всѣхъ плодовъ цивилизаціи?

Такова дилемма, глубоко волнующая современные умы. Въ области теоретической она выразилась цѣлымъ рядомъ новыхъ ученій, которыя растутъ въ изобиліи на почвѣ со-

временнаго скептицизма и пессимизма, и преслѣдуютъ въ общемъ троякую задачу: 1) разрушеніе христіанскаго религіозно-нравственнаго міросозерцанія, во имя окончательнаго торжества позитивно- и прогрессивно-научнаго, *языческаго*, 2) разрушеніе прогрессивно научнаго и языческаго міросозерцанія, во имя окончательнаго торжества *христіанскихъ* началъ жизни, 3) *примиреніе*, новыми путями и на новой почвѣ, того и другого. Послѣднія, примирительныя, попытки дали пока лишь весьма слабые и малоубѣдительные результаты. Но за то творческая работа въ сферѣ односторонняго отрицанія однихъ идеаловъ, во имя окончательнаго торжества другихъ, имъ противоположныхъ, породила въ послѣднія десятилѣтія нѣсколько крупныхъ и чрезвычайно оригинальныхъ явленій. Я намѣренъ остановиться только на самыхъ типическихъ и сравнить крайнія міросозерцанія двухъ выдающихся современныхъ мыслителей, изъ которыхъ одинъ изображаетъ собою защитника чистаго *языческаго* міросозерцанія и мечтаетъ перомъ своимъ навсегда раздѣлаться съ религіозно-нравственными идеалами христіанства. Это—*Фридрихъ Ницше*. Другой ведетъ энергическую борьбу съ міросозерцаніемъ позитивно-научнымъ и языческимъ, во имя окончательной побѣды въ жизни человѣчества высшихъ нравственныхъ идеаловъ христіанства. Это—*Левъ Толстой*.

Моею задачей будетъ, по мѣрѣ умѣнія и силъ, собрать воедино главнѣйшія черты этихъ двухъ оригинальныхъ ученій, выяснить ихъ происхожденіе, опредѣлить ихъ достоинства и недостатки, показавъ при этомъ ихъ одинаковую односторонность, хотя и *весьма различное* нравственное значеніе.

Подробное изложеніе ученій Ницше и Толстого я считаю излишнимъ. Талантливое и очень вѣрное изображеніе нравственнаго ученія Ницше недавно появилось на русскомъ языкѣ, въ извѣстной статьѣ г. Преображенскаго*), а нравственное ученіе графа Льва Толстого достаточно извѣстно

---

*) См. «Вопр. Филос. и Псих.», кн. 15 (ноябрь 1892).

всѣмъ намъ, хотя, думается мнѣ, не многими правильно понято*). Во всякомъ случаѣ, моей задачей будетъ лишь *общая* ихъ характеристика.

Замѣчу прежде всего, что между воззрѣніями обоихъ мыслителей не только существуетъ рѣзкая противоположность, но есть и много общихъ, сходныхъ чертъ: „les extrémités se touchent".

Начну съ указанія общаго.

Общимъ является, во-первыхъ, одинаково рѣшительный, талантливо выраженный и искренній протестъ обоихъ противъ современнаго нравственнаго міросозерцанія общества, противъ всего *внутренняго* духа и строя жизни ооврременнаго культурнаго человѣчества. „Такъ дольше нельзя жить, нельзя дольше терпѣть всѣ существующія и ставшія явными противорѣчія жизни: надо измѣнить всю жизнь, а для этого прежде всего необходимо пересмотрѣть всѣ нынѣ господствующія понятія о жизни, ея значеніи и цѣляхъ".

Общимъ является, во-вторыхъ, не менѣе сильный и краснорѣчивый протестъ обоихъ противъ вѣковой традиціонной *внѣшней* организаціи христіанскаго общества, въ которой часто лицемѣрно прикрыты, подъ маской лживой добродѣтели и законности, всевозможныя язвы порока и разложенія. Отсюда—борьба обоихъ противъ церкви и государства, какъ предполагаемыхъ виновниковъ указанной лжи.

Несомнѣнно общими являются, въ-третьихъ, и нѣкоторыя *положительныя* стремленія обоихъ мыслителей—дать въ жизни человѣка торжество разуму и трезвому анализу, освободить личность отъ гнета различныхъ условностей въ нравахъ и понятіяхъ, поднять ея самочувствіе и самосознаніе, измѣнить и по-новому обосновать ея нравственную жизнь,—создать, словомъ сказать, новую, болѣе свободную и самодовлѣющую личность и на этой почвѣ новое общество и человѣчество.

---

*) Правильное пониманіе его я вижу только въ статьяхъ Н. Н. Страхова (см. „Вопр. Филос. и Психол.", кн. 9 и 11).

Вообще характерною чертой обоихъ мыслителей является одинаково рѣшительный *индивидуализмъ*, стремленіе освободить личность отъ стѣсняющихъ ея духовное развитіе оковъ и цѣпей. Но на этомъ сходство и кончается.

При рѣшеніи поставленной задачи въ подробностяхъ пути обоихъ моралистовъ рѣзко расходятся.

Ницше видитъ все зло въ зависимости личности отъ нравственныхъ цѣпей, наложенныхъ на нее религіозно-нравственнымъ міросозерцаніемъ христіанства. Подобно тому, какъ въ прошлые вѣка (Ницше разумѣетъ, конечно, событія въ западной Европѣ) христіанство постепенно разложилось, какъ „догматическое" ученіе, подъ вліяніемъ своей морали, такъ теперь оно должно погибнуть и какъ мораль, и „мы уже стоимъ на порогѣ этого событія" *). Зло—во внутреннихъ оковахъ, связывающихъ личность, въ связанности ея *совѣсти* ученіями о грѣхопаденіи, состраданіи, любви. Такъ называемое зло, преступленіе, эгоизмъ—законныя и необходимыя проявленія силы и могущества личности; чтобы личность могла смѣло и полно проявить всѣ свои силы, надо освободить всѣ эгоистическія дѣянія ея отъ связанной съ ними „нечистой совѣсти"; человѣкъ перестанетъ быть злымъ, когда перестанетъ считать себя таковымъ. Весь источникъ силы личности—въ страсти; нужно признать право страсти господствовать въ жизни, и тогда личность сумѣетъ проявить всѣ свои скрытыя энергіи. Другими словами, нужно освободить личность отъ „нравственной отвѣтственности" въ христіанскомъ значеніи этого слова. А нужно это потому, что единственный смыслъ жизни человѣчества можетъ лежать только въ возможно полномъ расцвѣтѣ личности, въ улучшеніи типа человѣка, породы людей-животныхъ, до достиженія ими новаго усовершенствованнаго вида—„сверхчеловѣка". Такъ какъ, однако, не всѣ люди по организаціи доступны такому усовершенствованію, то надо признать полную свободу только для выс-

---

*) Genealogie der Moral. Leipz. 1892, стр. 180.

шихъ, лучшихъ личностей и сдѣлать масссы пассивнымъ орудіемъ и пьедесталомъ для возвеличенія этихъ личностей. Ницше—рѣшительный врагъ политической и общественной равноправности и соціалистическаго нивеллированія общества, ибо всѣ *эти* условія современной жизни (опять, замѣтимъ, на Западѣ) ведутъ къ пониженію человѣческаго типа до степени трусливаго, боязливаго и безличнаго стаднаго животнаго.

Совершенно очевидно изъ этихъ главныхъ чертъ ученія Ницше, что онъ мечтаетъ о возвращеніи къ началамъ и принципамъ *языческой* культуры. И дѣйствительно, всѣ его духовные идеалы въ древнемъ мірѣ, въ міросозерцаніи языческихъ философовъ, ничего не знавшихъ о христіанскомъ смиреніи, терпѣніи, состраданіи и любви, и поэтому онъ поклоняется только *тѣмъ* позднѣйшимъ эпохамъ въ жизни человѣчества, когда отдѣльная личность достигала наибольшаго блеска и расцвѣта внѣшняго могущества, власти и индивидуальныхъ способностей. Такъ, онъ съ энтузіазмомъ говоритъ объ эпохѣ возрожденія классической образованности и идеаловъ классическаго міра на рубежѣ средне-вѣковой и новой культуры, когда такъ могущественна была реакція противъ христіанской морали, такъ свободны стали на время развратъ и всяческое насиліе, такъ пышно расцвѣла оргія всевозможныхъ пороковъ и преступленій. Конечно, Ницше поклоняется не порокамъ и преступленіямъ, не разврату и насиліямъ, а параллельному расцвѣту геніальности и творчества нестѣсненной никакими нравственными предразсудками и нормами дѣятельности личности; но онъ считаетъ всѣ указанныя отрицательныя явленія неизбѣжною и неустранимою обратною стороной медали. Ученіе Ницше можно философски формулировать такимъ положеніемъ: „чѣмъ больше зла, тѣмъ больше и добра“, ибо зло небходимый темный фонъ картины полнаго умственнаго торжества освобожденной отъ всякихъ нравственныхъ стѣсненій личности.

Совершенно иначе смотритъ на причины зла и на смыслъ

предстоящей реформы гр. Л. Толстой. Зло не во внутреннихъ, нравственныхъ нормахъ дѣятельности личности, а въ отступленіи отъ нравственнаго закона, въ его непониманіи и игнорированіи, а слѣдовательно и во всемъ, что ему противорѣчитъ, т.-е. во внѣшнихъ цѣпяхъ соціальной организаціи, не только не связанныхъ съ нравственнымъ міросозерцаніемъ христіанства, а напротивъ, по мнѣнію Толстого, глубоко ему противорѣчащихъ и представляющихъ собою всѣ признаки недостаточнаго отреченія человѣчества отъ языческаго строя жизни. Не только не слѣдуетъ желать уничтоженія нравственнаго міросозерцанія христіанства, но въ немъ одномъ только и залогъ настоящаго духовнаго развитія личности, а слѣдовательно и общества. Толстой, также какъ и Ницше, думаетъ, что цѣли и смысла жизни слѣдуетъ искать не въ трансцендентной задачѣ искупленія души отъ грѣха, а прежде всего въ лучшемъ устройствѣ *здѣшней* духовной жизни человѣчества. Но путь къ этому не въ освобожденіи совѣсти личности отъ всякихъ нравственныхъ оковъ, а, напротивъ, въ возможно полномъ и глубокомъ развитіи *христіанской* совѣсти,—не въ расцвѣтѣ эгоизма, а, наоборотъ, въ полномъ и окончательномъ подавленіи его,—въ проявленіи способностей самоотреченія, любви и состраданія къ ближнему, въ возрастаніи личнаго смиренія, терпѣнія и непротивленія злу (зломъ). Не объ усовершенствованіи типа человѣка-животнаго идетъ рѣчь, а о развитіи человѣкомъ всѣхъ своихъ высшихъ *человѣческихъ* наклонностей и скрытыхъ силъ,—не о расцвѣтѣ творчества и геніальности, блеска способностей и гордаго самовластія долженъ мечтать человѣкъ, а *только* о нравственномъ самоусовершенствованіи и о возвращеніи, поэтому, въ лоно смиренной, терпѣливой и стойкой толпы себѣ подобныхъ, въ которой гораздо полнѣе, чѣмъ въ насъ—цвѣтѣ и красѣ человѣчества—сохранились истинно-добрыя и великія чувства и стремленія. Въ противоположность Ницше, Толстой—ревностный проповѣдникъ добровольной равноправности и полнаго соціальнаго нивеллированія личностей. Его идеалъ—именно идеалъ человѣка, какъ мирнаго, домашняго, но не

„стаднаго животнаго“, а духовнаго существа,—не трусливаго и боязливаго, а нравственно-непоколебимаго и внутренно-стойкаго. Поэтому, симпатіи Толстого сосредоточены на тѣхъ эпохахъ и явленіяхъ жизни человѣчества, въ которыхъ больше всего проявлялись смиреніе и терпѣніе предъ внѣшними невзгодами жизни, добровольное подчиненіе *нравственному* закону, свободное мученичество за правду и скрытый героизмъ самоотреченія, но подъ однимъ условіемъ, чтобы дѣло, которому служила личность, было вполнѣ христіанское, чтобы личность исполняла дѣло Христово—дѣло любви и добра. Формула Толстого: „чѣмъ меньше зла, тѣмъ больше добра“.

При такой крайней противоположности нравственныхъ *идеаловъ* Ницше и гр. Толстого, они, естественно, совершенно различно смотрятъ на пороки и добродѣтели личности. Это различіе особенно ярко выражается во взглядахъ на христіанскій *аскетизмъ*.

Ницше, въ обширной и остроумно написанной главѣ „Was bedeuten asketische Ideale“, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій „Genealogie der Moral“, употребляетъ весь блескъ своей аргументаціи, всю силу своего злого языка, чтобы несправедливо дискредитировать нравственный смыслъ аскетизма и свести то немногое, по его мнѣнію, здоровое, что можно найти въ теоріяхъ воздержанія, къ простой *гигіенѣ* и *діэтетикѣ* организма. Онъ смѣется надъ христіанскою церковною борьбою противъ чувственности во имя цѣломудрія и воздержанія, онъ считаетъ заслугою Лютера то, что тотъ имѣлъ смѣлость открыто исповѣдывать свою чувственность (Luthers Verdienst ist vielleicht in Nichts grösser als gerade darin, den Muth zu seiner Sinnlichkeit gehabt zu haben, стр. 99). Проповѣдь цѣломудрія исходитъ, по его циническому замѣчанію, отъ „verunglückten Schweine“. Фейербаховское слово о „здоровой чувственности“ онъ считаетъ словомъ искупленія отъ болѣзненнаго обскурантизма христіанской морали. „Парсиваль“ Вагнера для него признакъ вырожденія таланта великаго композитора, его

чрезмѣрнаго подчиненія Шопенгауэру. Правда, всякое животное, а потому и la bête philosophe, инстинктивно стремится къ лучшимъ и самымъ благопріятнымъ условіямъ для проявленія своихъ силъ, и къ этимъ условіямъ относится извѣстное воздержаніе отъ чувственности ради пріобрѣтенія большей свободы и независимости. Женатый философъ „gehört in die Komödie", и „Сократъ, вѣроятно, женился (и имѣлъ дѣтей?) только ради ироніи". Но никакого другого смысла, какъ только служить однимъ изъ средствъ личной независимости, аскетизмъ не имѣетъ, и свобода нравовъ есть для Ницше все-таки необходимое условіе и этой самой независимости, какъ средство для полнаго самоурегулированія личности на пути къ достиженію полнѣйшаго разцвѣта силъ, т.-е. высшей геніальности. Поэтому онъ допускаетъ только „веселый аскетизмъ" (heiterer Asketismus) божественнаго и оперившагося животнаго, „которое болѣе паритъ надъ жизнью, чѣмъ покоится въ ней" (стр. 112). Но проповѣдь аскетизма, какъ пути къ духовному совершенству, какъ средства избавиться отъ вины, грѣха и страданій, Ницше клеймитъ презрѣніемъ. Аскетизмъ христіанскій былъ временнымъ и случайнымъ идеаломъ, случайнымъ способомъ рѣшенія проблемы—„ради чего страдать". Это былъ идеалъ „faute de mieux". „Воля къ жизни" была временно спасена этимъ рѣшеніемъ вопроса, ибо человѣкъ лучше готовъ стремиться къ своего рода „ничто", чѣмъ не стремиться ни къ чему (стр. 181—182). Но теперь пора стряхнуть съ себя нелѣпое ярмо.

Совершенно иначе смотритъ на воздержаніе, самообузданіе и самоотреченіе Толстой. Правда, и ему чуждъ средневѣковой идеалъ монашества и добровольнаго удаленія отъ жизни въ пустыню и одиночество, но вмѣстѣ съ тѣмъ Толстой видитъ въ воздержаніи отъ чувственности, отъ всяческаго сладострастія и животности—первую задачу духовной человѣческой личности. Мы знаемъ, какъ энергично, всѣми писаніями своими, начиная отъ „Анны Карениной" и кончая „Крейцеровою сонатой" и „Послѣсловіемъ", онъ пропов-

дуетъ цѣломудріе, какъ краснорѣчиво въ „Первой ступени“ онъ возстаетъ противъ мясояденія, а въ „Плодахъ просвѣщенія“ противъ обжорства,—какой онъ врагъ вина, табаку и всякихъ наркотическихъ средствъ, какъ глубоко запала въ его душу мысль о необходимости упрощенія жизни и отреченія отъ всякой роскоши, излишествъ и ложныхъ потребностей.

Прежде чѣмъ перейти къ критикѣ обоихъ міросозерцаній, которыя все-таки оба односторонни и не удовлетворяютъ всѣхъ запросовъ человѣческой души, я сдѣлаю ихъ окончательное сопоставленіе.

Ницше—представитель западно-европейской изломанности, Толстой—носитель идеаловъ восточно-европейской непосредственности. Ницше мечтаетъ о возстановленіи во всѣхъ правахъ древнеязыческаго культурнаго идеала, соединеннаго съ полнымъ и сознательнымъ отреченіемъ отъ христіанства. Толстой, наоборотъ, ищетъ очищеннаго отъ всякихъ языческихъ примѣсей христіанскаго идеала жизни и въ своей ненавистп къ язычеству отвергаетъ и науку, и искусство, и государственныя формы, созданныя древнею дохристіанскою культурою. И Ницше, и Толстой—раціоналисты, ищушіе въ разумѣ послѣдняго критерія истины. Но Ницше—*эстетикъ* раціонализма, Толстой—*моралистъ* съ раціоналистическою подкладкой. Надъ чудомъ и таинствомъ оба смѣются, но одинъ—во имя таинства обаянія красоты, т.-е. внѣшняго совершенства формы, другой—во имя чуда абсолютнаго торжества любви и добра. Оба мыслителя провозглашаютъ своимъ девизомъ безусловную свободу и самостоятельность личности, но Ницше мечтаетъ о торжествѣ отдѣльной, исключительной личности на почвѣ порабощенія и организованнаго экслоатированія массъ,—Толстой—о самостоятельности и высшемъ достоинствѣ всякой личности путемъ уничтоженія взаимной или коллективной эксплоатаціи. Ницше мечтаетъ о торжествѣ человѣка-животнаго въ осуществленномъ, путемъ ловкаго *насилія* надъ массами, идеалѣ „сверхъ-человѣка“. Толстой болѣе скромно помы-

шляетъ только о полномъ воплощеніи идеала „человѣка", путемъ его собственнаго свободнаго отреченія отъ *всякаго насилія* надъ чужою личностью. Ницше—анархистъ-революціонеръ и, какъ всякій революціонеръ, догматикъ деспотизма. Толстой—самый рѣшительный врагъ анархіи, революціи и деспотизма, такъ какъ даже не вѣритъ въ ихъ возможность, если только будетъ обезпечена полная нравственная свобода и отвѣтственность личности. Ницше, хотя и врагъ современной культуры, но только потому, что она ему кажется недостаточно радикальною: борьба за существованіе недостаточно откровенна, произволъ недостаточно обезпеченъ отъ преслѣдованія. Любовь, милосердіе, симпатія, состраданіе—тормазы прогресса. Уничтожьте законы нравственности и всякую отвѣтственность, чтобы личность могла достигнуть полнаго развитія своей стихійной мощи. Уничтожьте законы (конечно, не внутренніе, нравственные, которыхъ нельзя уничтожить, а внѣшніе, соціальные), говоритъ и Толстой, но говоритъ такъ только потому, что эти законы, по его мнѣнію, совершенно лишнее стѣсненіе человѣческой личности, тормазъ ея высшему духовному развитію, полному торжеству среди людей любви, милосердія, состраданія. И Толстой — врагъ современной культуры, но потому, что она кажется ему въ корнѣ ошибочной, не христіанской: личность не достаточно свободна; всякая борьба за существованіе исчезнетъ, если личность будетъ *совсѣмъ* свободна и пойметъ „волю Пославшаго ее въ міръ". Всѣ высшія силы личности проявятся лишь тогда, когда она сама добровольно отречется отъ всякой мощи и силы, отъ всякаго законнаго насилія.

Не ясно ли, что коренное различіе обоихъ мыслителей всецѣло сводится къ одному: къ противуположному взгляду ихъ на человѣческую природу. Ницше считаетъ человѣка животнымъ—злымъ, злѣйшимъ изъ животныхъ,—и думаетъ, что пожравъ нѣкоторое количество своихъ ближнихъ и высосавъ соки изъ десятковъ и сотенъ себѣ подобныхъ, болѣе сильный человѣкъ-животное, въ своей ничѣмъ не сдержи-

ваемой роскошной упитанности, превзойдетъ самого себя и станетъ въ ряды новой породы усовершенствованныхъ животныхъ, которая обозначается имъ посредствомъ понятія «сверхъ-человѣка». Толстой думаетъ иначе: смиреніе и терпѣніе, самоотреченіе и любовь—коренныя свойства человѣка, какъ человѣка. Человѣкъ именно этими свойствами отличается отъ животнаго. Его природа добрая, хорошая. Не озлобляйте его, и онъ совсѣмъ будетъ добръ. Дозвольте ему быть самимъ собою, и онъ никого не тронетъ, никого не пожретъ; въ естественныхъ условіяхъ жизни онъ станетъ «настоящимъ человѣкомъ», носителемъ божескихъ чувствъ и помысловъ. Не нужно сверхъ-человѣка, ибо человѣкъ уже есть сверхъ-животное, образъ и подобіе Бога.

Совершенно ясно, что противуположность нравственныхъ міросозерцаній обоихъ моралистовъ, можетъ-быть, безсознательно для нихъ самихъ, имѣетъ основаніемъ противоположность ихъ *теоретическихъ* воззрѣній на природу міра и человѣка.

Ницше—матеріалистъ, атеистъ и эволюціонистъ довольно фантастическаго склада. Онъ мечтаетъ о трансформаціи «человѣка-животнаго» въ новый видъ животнаго, подмѣнивая этою перспективой идею нравственнаго, духовнаго самоусовершенствованія. Съ особенною любовью, и даже съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ, Ницше пользуется всякимъ случаемъ, чтобы соединять термины Thier и Mensch. «Diese englische Psychologen“ (сами англійскіе психологи!) признаются имъ за «tapfere, grossmüthige und stolze Thiere» (Geneal., p. 2). «Der Priester ist die erste Form des delicateren Thiers», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, стр. 136). О современномъ человѣкѣ онъ выражается, что онъ «ein krankhaftes Thier» (болѣзненное животное), а о человѣкѣ вообще, что онъ «das tapferste und leidgewohnteste Thier» (самое храброе и къ страданіямъ привычное животное). Трудно перечислить всѣ сочетанія, въ которыхъ Ницше употребляетъ оба понятія. Говоря о субъектѣ человѣка, Ницше говоритъ, что совершенно подобно тому,

какъ народъ различаетъ молнію, какъ субъектъ, отъ ея свѣченія, какъ дѣйствія, такъ и народная мораль отдѣляетъ субстратъ сильнаго человѣка, свободнаго проявить или не проявить свою силу, отъ самыхъ этихъ проявленій. «Но такого субстрата нѣтъ, нѣтъ *бытія* внѣ дѣятельности, внѣ дѣйствія, становленія: дѣятель присочиненъ къ дѣйствію, дѣйствіе есть все» (Geneal., стр. 27). Въ существованіе субъекта, какъ субстрата, т.-е. какъ субстанціальной души, Ницше не вѣритъ. «Субъектъ,—говоритъ онъ,—или говоря популярнѣе—*душа*, можетъ-быть, потому былъ до сихъ поръ лучшимъ предметомъ вѣрованія на землѣ, что онъ давалъ возможность излишку людей, — слабымъ и приниженнымъ всякаго рода,—исповѣдовать тотъ возвышающій самообманъ, что слабость есть тоже свобода, что то или другое существованіе есть *заслуга*» (тамъ же, стр. 28). «Говорятъ о любви къ врагамъ—и потѣютъ при этомъ (und schwitzt dabei)».— Такимъ образомъ, существованія души Ницше не признаетъ. Точно также не вѣритъ онъ и въ Бога.

«Тамъ, гдѣ духъ (какъ мысль, сознаніе) въ наше время работаетъ строго, могущественно и безъ поддѣлокъ, — говоритъ Ницше,—онъ обходится вообще и безъ идеала—и популярное выраженіе для этого воздержанія есть *атеизмъ* (куда не входитъ воля къ правдѣ)». «Безусловный, честный атеизмъ,—а его атмосферою мы только и дышемъ всѣ (?) болѣе интеллигентные люди нынѣшняго столѣтія,—не стоитъ, однако, въ противорѣчіи со всякимъ идеаломъ, какъ можетъ казаться; онъ есть, наоборотъ, одна изъ послѣднихъ фазъ его развитія, одна изъ послѣднихъ формъ его выраженія и внутреннихъ его слѣдствій,—онъ есть лишь конечная *катастрофа* двухъ-тысячелѣтняго приплода истины, которая въ концѣ-концовъ запрещаетъ намъ *ложь вѣры въ Бога*» (стр. 179).

Достаточно этихъ ссылокъ, чтобы видѣть, въ какой степени Ницше матеріалистъ и атеистъ. Душа и Богъ—суевѣрія. И этимъ объясняется скачокъ Ницше отъ человѣка-животнаго къ сверхъ-человѣку,—минуя стадію «человѣка», въ истинномъ смыслѣ этого слова. Не удивительно, что

этотъ послѣдовательный матеріалистъ, атеистъ и эволюціонистъ на почвѣ морали повторяетъ уже безъ всякаго скептицизма и ложнаго стыда знаменитую мысль Ивана Карамазова, такъ блистательно оправданную Смердяковымъ, что если кто не вѣритъ въ Бога и въ безсмертіе души, тому «все позволено».

Совершенно другое теоретическое міросозерцаніе исповѣдуетъ Левъ Толстой. Кому знакомо сочиненіе Толстого «О жизни» (см. XIII т. «Полнаго собранія»), тотъ знаетъ, какая глубокая пропасть лежитъ для него между животнымъ и разумнымъ сознаніемъ, между звѣремъ и человѣкомъ, — какія страстныя усилія онъ дѣлаетъ для оправданія безсмертія души и идеи вѣчной жизни, какъ, сбиваясь иногда съ идеи личнаго безсмертія «души» на идею безличнаго безсмертія «духа», онъ тѣмъ не менѣе настойчиво отстаиваетъ мысль о вѣчности духовной жизни, о невозможности полной смерти. Вѣритъ ли Толстой въ живого Бога? Да, вѣритъ, глубоко вѣритъ. Онъ вѣритъ даже въ молитву и въ таинственное посредство вѣчнаго существа между душами людей живущихъ. Толстой вѣритъ въ волю Пославшаго насъ,—въ міръ вѣчной правды и абсолютнаго добра. Но за то Толстой не вѣритъ во внѣшній, матеріальный, техническій прогрессъ. Онъ проповѣдуетъ возвращеніе къ «человѣку», а не изобрѣтеніе крылатаго и опереннаго «сверхъчеловѣка». «Царствіе Божіе внутрь васъ есть». Оно уже дано всецѣло въ великихъ потенціяхъ человѣческой души, оно уже не разъ проявлялось и ярко свѣтило въ назиданіе всѣмъ смертнымъ. Все развитіе и эволюція сводится къ росту духовной, нравственной личности человѣка. Для этого нужно возвратиться къ чистому ученію Евангелія. «Любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ». Миръ душевный, отреченіе отъ всяческой суеты, а не внѣшній прогрессъ организаціи личности и общества,—вотъ истинная цѣль человѣка, его счастіе, источникъ его нравственнаго удовлетворенія.

Несмотря на всю ненависть и отвращеніе Ницше къ современной промышленной и буржуазной цивилизаціи, въ

ученіи его все-таки чудится эхо непрерывнаго стука и грохота машинъ огромной западно-европейской или американской фабрики, безчисленныхъ поршней и молотовъ, придуманныхъ человѣкомъ, но въ свою очередь покорившихъ его и ему импонирующихъ. Всѣ эти машины, все это производство ставятъ себѣ конечнымъ идеаломъ механико-химико-физико-анатомо-физіологическое изготовленіе живого животнаго существа — летающаго и окрыленнаго сверхъчеловѣка, органически производящаго новыя великія идеи посредствомъ усовершенствованныхъ мозговыхъ полушарій и извилинъ... Въ ученіи Толстого слышится, напротивъ, отзвукъ тихихъ, пространныхъ, малообработанныхъ степныхъ пространствъ нашей родины,—безконечныхъ меланхолическихъ черноземныхъ полей,—спокойнаго и сосредоточеннаго уединенія деревни, въ которой такъ живо чувствуется «власть земли» и «свобода здороваго и могучаго въ своемъ уединеніи духа». Оставьте его въ покоѣ, предоставьте его самому себѣ — и онъ будетъ великъ безъ всякихъ машинъ, летательныхъ снарядовъ, фабрикъ и мануфактуръ, безъ химіи, медицины и гистологіи.

Человѣкъ — *выдрессированный звѣрь*, и человѣкъ — *полнота воплощенія божественнаго разума на землѣ*—таковы противуположные принципы и идеалы обоихъ мыслителей.

Само собою разумѣется, что нравственныя ученія Толстого и Ницше отражаютъ на себѣ всѣ достоинства и недостатки тѣхъ теоретическихъ міросозерцаній, которыя они исповѣдуютъ.

Главная заслуга обоихъ заключается въ томъ, что они доводятъ свои теоретическія воззрѣнія до конца.

Если въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ вещества и его комбинацій, если человѣкъ—машина, если всѣ дѣйствія человѣка—продукты сложнаго механизма, то никакія изъ этихъ дѣйствій сами по себѣ не достойны ни похвалы, ни порицанія, не добры и не злы. Все—относительно, оцѣнка зависитъ отъ конечной цѣли, которую мы поставимъ дѣйствіямъ человѣка. То, что̀ содѣйствуетъ ея достиженію, будетъ добромъ, что

препятствуетъ — зломъ. Но общей цѣли у всѣхъ людей не можетъ быть, и потому нѣтъ единаго добра и зла, — цѣль выработки сверхъ-человѣка есть субъективная мечта Ницше, которую онъ никому не навязываетъ и предлагаетъ лишь къ усмотрѣнію. Другими словами, никакой абсолютной и обязательной нравственности нѣтъ, а слѣдовательно, нѣтъ и *никакой* нравственности. Это—пустая выдумка и ученіе нѣкоторыхъ людей. Люди — звѣри, единственная основа ихъ жизни борьба за существованіе, за власть и силу. Пускай же эта борьба, не на жизнь, а на смерть, будетъ *откровенно* возведена въ единственный законъ жизни.

Точно также послѣдователенъ въ своемъ ученіи и гр. Толстой. Если человѣкъ—разумъ и духъ, то истинный законъ его жизни есть внутренній законъ, *нравственный* законъ. Если онъ не звѣрь, то принципъ его жизни—не борьба за существованіе, а любовь. Надо искренно и честно признать законъ любви единственнымъ возможнымъ закономъ жизни человѣческой.

При крайнемъ, послѣдовательномъ развитіи этихъ положеній мы находимъ у обоихъ мыслителей новыя, своеобразныя и глубокія обобщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не менѣе важныя заблужденія.

Таково, напримѣръ, блестяще проведенное Ницше утвержденіе, что аскетизмъ есть не отрицаніе жизни (какъ это думалъ Шопенгауэръ), но одно изъ сильнѣйшихъ утвержденій ея и одно изъ лучшихъ лѣкарствъ противъ вырожденія, болѣзненной разслабленности и упадка жизненности (Geneal. d. Moral, 3-te Abt., §§ 8—10, особ. 13 и слѣд.). Напрасно только Ницше думаетъ, что это средство не можетъ быть употреблено ранѣе, чѣмъ наступило вырожденіе для предупрежденія всякихъ болѣзней духа. Еслибы онъ это призналъ, то приблизился бы къ точкѣ зрѣнія христіанской аскетической морали — морали грѣха и искупленія. Точно также превосходна у Ницше критика изнѣженнаго и разслабленнаго альтруизма и состраданія нашихъ дней. Но едва ли Ницше вполнѣ правильно понимаетъ христіанское состраданіе, если утверждаетъ, что *всякая* любовь и состраданіе

разслабляютъ, что въ христіанскомъ обществѣ всѣ люди дѣлятся на «больныхъ» и «сидѣлокъ». Мужественное христіанское состраданіе внушаетъ силу и мужество тому, кто является его предметомъ. Если Левъ Толстой, любя ближняго, жалѣетъ, что онъ куритъ и пьетъ вино и этимъ ослабляетъ энергію своей мысли и воли, то ближній долженъ быть признателенъ ему за эту жалость; ему станетъ стыдно своихъ слабостей и онъ броситъ курить и пить и станетъ нравственно сильнѣе. Точно также глубоко вѣрна мысль Ницше, что усовершенствованіе человѣка, переходъ его въ высшую стадію развитія, есть высокая нравственная задача человѣчества, есть конечный идеалъ прогресса. Но напрасно Ницше думаетъ, что это усовершенствованіе можетъ быть только животнымъ, и что необходимое условіе его—заглушеніе совѣсти и любви къ ближнему. Усовершенствованіе можетъ быть только нравственнымъ, духовнымъ,—только подъемъ нравственныхъ силъ ведетъ къ подъему умственныхъ и физическихъ энергій, а нравственная распущенность — источникъ не геніальности, а именно полнаго интеллектуальнаго и физическаго вырожденія.

Изъ этихъ трехъ примѣровъ ясно видно, что въ ученіи Ницше много глубокихъ мыслей; но странно: этотъ писатель отражаетъ въ своемъ умѣ истину вещей, какъ кривое зеркало. Физіогномія всѣхъ явленій дѣйствительности оказывается въ этомъ зеркалѣ грубо перекошенной, такъ что всѣ общія положенія Ницше, заключая въ себѣ нѣкоторый элементъ правды, представляютъ въ концѣ концовъ только остроумные и совершенно невѣрные парадоксы. Самъ Ницше оказывается «самымъ больнымъ» изъ всѣхъ людей въ изобрѣтенномъ имъ всемірномъ госпиталѣ и сумасшедшемъ домѣ*), и когда онъ говоритъ про современныхъ ему мыс-

---

*) Geneal., стр. 131: «Кто имѣетъ не только носъ для обонянія, но и глаза и уши, тотъ чувствуетъ вездѣ, куда онъ сегодня вступаетъ, нѣчто въ родѣ сумасшедшаго дома, что-то напоминающее больничный воздухъ, — я говорю, конечно, обо всѣхъ областяхъ культуры человѣка, о всякаго рода «Европѣ», какая только существуетъ на землѣ» (вспомнимъ Н. Я. Данилевскаго!).

лителей: „Das sind alles Menschen des Ressentiment, diese physiologisch verunglückten und wurmstichigen, ein ganzes zitterndes Erdreich unterirdischer Rache, unerschöpflich, unersättlich in Ausbrüchen gegen die Glücklichen und ebenso in Maskeraden der Rache, in Vorwänden zur Rache (стр. 133), то такъ и хочется сказать: это ты самъ, Ницше, болѣе всѣхъ другихъ—«человѣкъ оскорбленнаго самолюбія, физіологическій неудачникъ, человѣкъ ненависти и мщенія». Въ лицѣ Ницше, въ свою очередь, мститъ за себя, человѣчеству попранная послѣднимъ истина христіанской любви и смиренія. Тѣмъ не менѣе Ницше глубоко жаль (по-христіански). Онъ пережилъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ трагедій—нравственную трагедію невѣрія и отрицанія—и имѣлъ смѣлость искренно исповѣдовать предъ человѣчествомъ все передуманное и выстраданное.

Совершенно другое впечатлѣніе производить ученіе Льва Толстого. Это не болѣзненный продуктъ извращенной цивилизаціи, а здоровая реакція противъ всѣхъ болѣзней современнаго духа. Насколько ученіе Ницше—въ нравственномъ смыслѣ—величина *безусловно-отрицательная*, настолько мораль Толстого, *какъ мораль,* проникнута *положительными* идеалами—идеалами будущаго.

Ошибки Толстого лежатъ не въ области *морали.* Мало людей (среди свѣтскихъ писателей), которые бы такъ возвышенно и идеально поняли и истолковали *нравственное* ученіе Христа,—и эта истина, кажется, достаточно нами установлена. Мы не будемъ, поэтому, больше говорить о положительныхъ сторонахъ нравственнаго ученія Толстого. Во имя правды и справедливости, надо указать и на нѣкоторыя невольныя заблужденія этого мыслителя.

Подобно тому, какъ главный корень всѣхъ заблужденій Ницше—въ смѣло проведенномъ до конца матеріализмѣ, такъ главная ошибка Толстого—въ чрезмѣрномъ и узкомъ идеализмѣ и спиритуализмѣ. Критика не разъ совершенно справедливо указывала, что Толстой, принимая всецѣло мораль христіанства, ошибочно отвергаетъ всю его мета-

физику *). По нашему мнѣнію, главная ошибка гр. Толстого, какъ и Ницше, въ отрицаніи глубокаго *дуализма* человѣческой природы, составляющаго основу всей христіанской метафизики. Правда, въ соч. „О жизни“ Л. Н. Толстой признаетъ противоположность животнаго и разумнаго сознанія, но эта противоположность имѣетъ для него все-таки цѣну феноменальную, а не субстанціальную. Признавъ разумность и духовность человѣческаго существа, Толстой очень скоро забываетъ постоянное присутствіе въ немъ и другой, животной, матеріальной природы. Поэтому-то нашъ писатель такъ склоненъ вѣрить въ абсолютную доброкачественность человѣческой природы и въ возможность для человѣка стать совершеннымъ и благимъ, независимо отъ всякихъ внѣшнихъ нормъ дѣятельности. Ученіе церкви о грѣхопаденіи и искупленіи чуждо Толстому. Онъ и не задается вопросомъ, нельзя ли открыть въ этомъ ученіи глубокаго *философскаго* смысла, помимо религіозно-догматическаго. Онъ прямо его отвергаетъ, какъ отжившій предразсудокъ, или, точнѣе говоря, его обходитъ,—считаетъ его совершенно безполезнымъ для обоснованія христіанской морали. Поэтому, въ теоретическомъ отношеніи, христіанская мораль Толстого все-таки виситъ въ воздухѣ; это чисто эмпирическое, на опытѣ личной жизни основанное ученіе, лишенное твердыхъ метафизическихъ основъ. Вѣдь для того, чтобы твердо (объективно) обосновать его, надо доказать, что любовь есть заповѣдь Высшаго существа и залогъ духовнаго *спасенія* человѣчества, но спасенія *отъ чего?* отъ грѣха, паденія и смерти. Спасенія *чѣмъ?* страданіемъ и безвинными жертвами, составляющими искупленіе отъ грѣха. Спасенія *для чего?* для воскресенія и вѣчной жизни. Догматическое ученіе Церкви есть, такимъ образомъ, глубокое и необходимое философское обоснованіе христіанской морали любви и самоотреченія. Стоитъ только допустить противуположность духа и ма-

*) См., между прочимъ, статью А. Волынскаго: «Нравств. философія гр. Л. Толстого» (Вопр. Филос. и Псих., кн. 5, ноябрь 1890) и статьи А. А. Козлова «Письма о книгѣ гр. Л. Н. Толстого и о жизни» (Вопр. Филос., кн. 5—8).

теріи въ мірѣ и существованіе Бога, какъ живого личнаго источника всякой духовности, чтобы, не отвергая никакихъ открытій науки и даже естествознанія (не исключая теорій эволюціи и трансформаціи), придти къ возможности научнаго и философскаго обоснованія метафизики христіанства, ученій о грѣхопаденіи и искупленіи.

Но въ такомъ случаѣ настоятельно возникаетъ вопросъ: есть ли надобность отрицать всю догматику христіанства тому, кто, подобно Толстому, принимаетъ всецѣло его нравственное ученіе и придаетъ авторитету Христа все-таки нѣкоторый высшій мистическій смыслъ въ исторіи нравственнаго сознанія человѣчества?

Впрочемъ, Толстой отвергаетъ не только догматику христіанства, но и всякое научное и философское умствованіе о судьбахъ и природѣ міра. И въ этомъ онъ лишь совершенно послѣдовательно проводитъ свою основную посылку о томъ, что человѣкъ есть всецѣло разумъ практическій, что все это знаніе—самосознаніе и самопознаніе. Невольно вспоминается образъ Сократа и замѣчаніе Аристотеля, что «Сократъ занимался только нравственными понятіями, а о всей природѣ ничего не говорилъ, причемъ искалъ всеобщаго именно въ этихъ понятіяхъ».

Гр. Толстой въ своемъ родѣ тоже продуктъ современнаго скептицизма и даже пессимизма, но только въ чисто теоретической области. Онъ не вѣритъ въ возможность познанія истины бытія, законовъ міра, природы, Бога. Но за то онъ глубоко вѣритъ въ возможность познанія истины жизни, какъ она открывается человѣку изнутри—въ его самосознаніи. Не вѣря въ возможность уразумѣнія законовъ бытія внѣшняго міра и будучи убѣжденъ въ безполезности и даже зловредности такихъ попытковъ выхожденія человѣческаго духа изъ себя,—для полнаго его самопознанія и нравственнаго усовершенствованія,—онъ отвергаетъ всякую догматику, и религіозную, и научную, и философскую. Все это не нужно, искусственно, нелѣпо, какъ и всякое *внѣшнее* усовершенствованіе жизни, изощреніе ея, развитіе внѣшней впечатлитель-

ности, тонкостей эстетическаго и интеллектуальнаго творчества. Жизнь понять очень легко *въ себѣ* и *изъ себя*, и для жизни *больше ничего не нужно*.

Вся внѣшняя цивилизація, весь внѣшній прогрессъ, всѣ измышленія науки и искусства—все это язычество, развратъ, отвлеченіе отъ главной задачи—доброй жизни. И какъ тонко умѣетъ Толстой, въ своей непримиримой враждѣ къ внѣшней организаціи жизни, изобличать всѣ язвы и прорѣхи современной цивилизаціи—безнравственныя поползновенія искусства, ошибки и рутину въ области науки, недостатки и безполезные архаизмы въ сферѣ религіознаго существованія. Никакая слабость, никакое противорѣчіе не ускользаютъ отъ его проницательнаго взгляда, и посредствомъ мѣткихъ художественныхъ образовъ—подчасъ весело и добродушно осмѣиваются, а иногда зло и безпощадно отдаются на всеобщій позоръ самыя великія и прочныя традиціи человѣческаго бытія.

Но сколько бы ни трудился Толстой надъ разрушеніемъ внѣшней организаціи жизни человѣческаго общества,—искусство, наука, религія и государственность вѣчно пребудутъ, пока существуетъ человѣкъ, и будутъ измѣнять только *формы* свои. Формы—внѣшнее воплощеніе идеи, но эти формы также необходимы и неустранимы, какъ и самъ міръ, сама природа, какъ минералы, растенія, животныя и человѣкъ,—воплощенія въ формахъ Божественныхъ идей. Красота, истина и добро—идеалы равноправные. Художественныя произведенія такое же важное воплощеніе чувства красоты и правды жизни, какъ научныя понятія и термины—«научный волапюкъ»—необходимое воплощеніе истины, какъ религіозные обряды и формы—воплощеніе религіознаго сознанія человѣчества,—чувствъ смиренія, почтенія и любви къ Богу, свойственныхъ человѣку. И точно также необходимо закрѣпленіе внѣшней общественной дѣятельности въ формахъ государственной организаціи.

Истинная задача моралиста—не разрушать всѣ историческія формы духовнаго бытія человѣчества, а стараться

влить въ нихъ новое содержаніе, поставить каждую на свое мѣсто, а гдѣ нужно,—показать недостатки однихъ и преимущества другихъ. Вернуться назадъ—къ первобытному и первоначальному—человѣчество не въ состояніи. Отречься отъ того, что создано, было бы для него самоубійствомъ.

Ницше впадаетъ въ явныя преувеличенія, когда проповѣдуетъ свой «Pathos der Distanz»—чувство разстоянія или, говоря проще, чувство перспективы въ социальной и политической организаціи жизни человѣчества. Относительно *соціальныхъ* теорій гр. Л. Н. Толстого можно сказать, что въ нихъ недостаетъ именно этого чувства перспективы. Проповѣдуя самые симпатичные нравственные идеалы, онъ пытается оторвать личность отъ всей той почвы, на которой она выросла, отъ почвы ея религіозныхъ, научныхъ, философскихъ и общественныхъ традицій. Безполезная задача—и конечно очень недальновидны тѣ, кто видитъ въ этихъ попыткахъ «вырыванія съ корнемъ» какую-либо серіозную опасность для почвы. Растеніе, т.-е. отдѣльная, оторванная отъ почвы личность, можетъ пострадать,—другими словами, утратить ясное сознаніе того, что ей должно дѣлать и какъ жить среди отвергнутой ею общественной организаціи; но почва несомнѣнно уцѣлѣетъ, ибо она, конечно, прочнѣе всѣхъ растеній, которыя производитъ.

Мы показали достоинства, недостатки и общее значеніе двухъ крайнихъ нравственныхъ міросозерцаній нашего времени. Гдѣ же *настоящій нравственный идеалъ?* Очевидно, мы должны искать его все-таки въ примиреніи внѣшняго и внутренняго, матеріальнаго и духовнаго, — скажемъ смѣлѣе: „языческаго“ и „христіанскаго“. Если созданный три вѣка тому назадъ компромиссъ науки и религіи, знанія и вѣры, оказался несостоятельнымъ, то значитъ ли это, что невозможенъ другой, лучшій,—что невозможенъ синтезъ болѣе широкій, органическій и полный?

Мы твердо вѣримъ, что онъ будетъ найденъ. Но кто же его найдетъ, на чьей обязанности найти его?

Дѣло идетъ, конечно, не о томъ, чтобъ указать *личность*, которая найдетъ выходъ изъ современныхъ противорѣчій. Личность—орудіе и проявленіе общихъ міровыхъ силъ. Вопросъ въ томъ, *какимъ методомъ*, *въ какой области* вопросъ можетъ быть разрѣшенъ? Этотъ методъ и область давно извѣстны *философу*. Крайности этическихъ міросозерцаній нашего времени ставятъ новую задачу предъ *философіей*, какъ той примиряющей наукою наукъ, которая пересматриваетъ и провѣряетъ фундаментъ всякаго знанія, обобщенія, синтеза.

Задача философіи нашего времени,—понять всѣ великіе уроки ближайшаго времени, понять Толстого и Ницше и многихъ другихъ выразителей современнаго неустойчиваго и колеблющагося нравственнаго сознанія человѣчества и, усвоивъ истинное и доброе въ ихъ ученіяхъ, переработать все это въ новое, цѣльное міросозерцаніе, теоретическое и практическое. Мы живемъ уже цѣлое столѣтіе традиціями Кантовской философіи, механически примиреннымъ противорѣчіемъ его теоретическаго и практическаго разума. Фр. Ницше—безсознательный протестъ критики теоретическаго разума противъ критики практическаго, Толстой—не менѣе безсознательный протестъ критики практическаго разума противъ критики (чистаго) теоретическаго. Таково значеніе этихъ мыслителей «sub specie aeternitatis». Это—старая, вѣчно старая, возобновленная въ нашемъ вѣкѣ борьба Демокритовскаго и Сократовскаго ученія, Аристотеля и Платона, реализма и идеализма. «Das ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu»,—ибо формы жизни измѣняются.

Глубокимъ чувствомъ перспективы долженъ обладать мыслитель, который всему этому старому укажетъ новое мѣсто и вновь примиритъ усовершенствованное самопознаніе съ переработаннымъ пониманіемъ законовъ вещей.

Николай Гротъ.

